

КУРЗАНСКИЕ ИСТОРИИ

Свидание с родиной

Было это на самом закате перестройки. Госзаказ на товары народного потребления, составлявший почти всю деятельность нашего кооператива, как говорится, «накрылся медным тазом». Чтобы как-то выжить, мы начали заниматься торговлей, благо в эпоху тотального дефицита раскупалось практически всё. Получив два пятитонных контейнера с книгами, мы обнаружили, что ушлые москвичи, вместо оговоренного и уже оплаченного заказа, прислали нам книг на ту же сумму, но в весьма урезанном ассортименте, добавив при этом, примерно на четверть явного неликвида.

Немногочисленные книжные магазины Тайшета, не блиставшие в то время изобилием, готовы были принять товар, но продажа такого объема грозила затянуться надолго, и потому было принято решение раскидать книги по соседним райцентрам – в Нижнеудинск и Тулун.

Погрузив упаковки книг в кузов газика, я и водитель Николай – мой ровесник, рано утром отправились в дорогу. В командировку, помимо всего прочего, на текущие расходы нам была выделена почти полная пятилитровая канистра отличного гидролизного спирта. Деньги деньгами, а с такой валютой при любой поломке можно было жить, как у Христа за пазухой.

Путь наш пролегал через мою малую родину – деревеньку Курзан, расположенную в 23 километрах от Тулуна. Это обстоятельство очень меня радовало, так как я не был там уже более десяти лет.

К обеду мы разгрузили половину товара в Нижнеудинске и двинулись дальше на восток. Настроение было отличное оттого, что товар взяли охотно, и что по пути «загнажи» по хорошей цене больше половины спирта, так что денег хватало и на прокорм, и на бензин.

С Колей договорились, что, если в дороге все будет нормально, то заночуем у моего дальнего родственника Петра в Курзане, а с утра отправимся в Тулун.

На полпути к Тулуну асфальт закончился, и потянулась пыльная и жесткая гравийка. У меня с непривычки спина задеревенела, а дерматиновое сиденье было мокрым и липким от пота. Белобрысый Колька посмеивался надо мной, сверкая белыми зубами на запыленном, веснушчатом лице.

– Ничего, приедем в Курзан, в речке искупаемся, выпьем, поужинаем, отоспимся на мягкой постельке, – я старался описать все прелести предстоящего отдыха не столько Николаю, сколько себе.

Наконец показалось Будагово – поселок, находящийся в шести километрах от Курзана.

– Вот и начинаются мои родные места, – рассказывал я Кольке. – Здесь родились мои старшие сестра и брат.

Дорога тянулась вдоль окраины поселка. Вскоре открылась небольшая площадка, посреди которой, прямо в пыли, широко раскинув руки, спал пьяный мужик. Машины аккуратно объезжали его с разных сторон.

– Ни хрена себе, у тебя родственники! – подколот меня Колька.

– Ну, не родственники – земляки. Устают, видать, сильно на работе, – вяло отбивался я от хохотавшего шофера.

Преодолев последние километры, мы подъехали к железнодорожному переезду, за которым сразу начиналась моя родная деревня. Возле переезда висела закрепленная на двух столбиках табличка с названием «Трактово-Курзан». Это название мне с детства казалось неправильным. Деревню никто так не называл, особенно местные жители. Если спрашивали, откуда ты, то отвечали: «Курзанский» или «с Курзана».

Название деревне дала речка Курзанка, которая протекала на противоположном краю деревни, под крутой горой, тоже гордо именуемой Курзанской. На горе слева разместилось кладбище, и вокруг него петлёй располагался объезд, потому что напрямую подъём настолько был крут, что часто машины не могли его одолеть даже в сухую погоду, а на спуске, бывало, водители не справлялись с управлением, и дела иногда заканчивались даже смертельным исходом. Любой дальнобойщик, хотя бы раз, проезжавший по трассе М-53, хорошо помнит эту гору.

Курзанка петляла и извивалась, одним берегом огибая деревенские огороды, а другим круто уходя вверх. Вода в речке все лето была теплая, и поэтому раньше, когда в

деревне было полно ребятни, возле моста не смолкали голоса, визг и смех. Речка в этих местах неглубокая, берег песчаный, да и на виду у деревни, которая заканчивалась, поворачивая вместе с дорогой к мосту.

Взрослые тоже купались около моста, но, когда случалось гулять на берегу компанией, то уходили подальше, к месту, которое называлось «Голубой Дунай». Никто не помнил, откуда родилось такое дивное название. Речка здесь была хоть и не голубая, но глубокая, и можно было даже нырять. У этого места было одно интересное свойство: все лето сюда не наведывались ни комары, ни мошки, хоть и лес был рядом, и трава росла высокая...

Петр только что приехал с покоса. Бывший колхозный бригадир, механизатор и орденосец, он оставался одним из немногих крепких и хозяйственных мужиков, живущих в медленно умирающей деревне. Увидев нас, он обрадовался, а когда, обнявшись с ним, я сказал, что хотим у него заночевать, улыбка стала ещё шире.

– Ты где там возишься? – окликнул он жену Валентину. – Давай накрывай на стол.

Валентина, полная жизнерадостная женщина, шла с огорода, переваливаясь на больных ногах как утка, и, приставив ладонь козырьком ко лбу, пыталась разглядеть приехавших.

– Неужто Вовка? А я смотрю: машина какая-то остановилась. Надо к соседке за поллитрой сбегать, а то у нас в магазине крепче томатного сока ничего нет.

– У нас с собой есть, – подошел, здороваясь, Николай. – Мне тут ваш родственник все уши прожужжал, какая у вас речка теплая. Искупнуться бы, а то пылища дорогой...

Петр предложил поехать на «Голубой Дунай», мы взяли с собой закуску, и, посадив в коляску мотоцикла Валентину, вихрем понеслись к речке. Солнце уже садилось, а мы всё купались, выпивали и закусывали, и, вправду, никакие комары нас не докучали. А может, это нам так казалось, потому что была у нас кроме закуски пластмассовая канистра с остатками взятого в командировку спирта. Когда уже совсем за вечерело, продолжили гулянку у Петра в летней кухне...

Деревня уже погрузилась в сон, и в низине, возле речки, начал собираться густой туман, когда мы вышли посидеть на лавочку у ворот. Ночную тишину внезапно разорвали звуки баяна, и пронзительный голос запел «Молодость моя – Белоруссия». Петр играл на баяне на удивление хорошо, держа баян огромными руками и бегая по клавишам толстыми заскорузлыми пальцами. Петь он не умел, зато я отвел душу. В

кабине газика мирно спал сбежавший от нас водитель Колька. Валентина негромко подпевала и в перерывах между песнями уговаривала нас идти спать.

...А утром было хреново... Но надо было ехать дальше.

Свидание с родиной закончилось.

Баба Катя

С самого детства, как помню, я знал, что мой дед по отцовской линии, Иван Игнатович, был расстрелян в 38-м году. Двое деревенских мужиков «настучали» на него куда следует, что он польский шпион и вредитель и готовился к диверсии на железной дороге, где служил обходчиком. Что уж он им такого сделал, не знаю. Может, просто поругались. Но деда забрали той же ночью и дали, как тогда говорили, «семь лет без права переписки». Означало это, что деда приговорили к расстрелу.

Много лет спустя, мне стали известны точные даты ареста, приговора и расстрела, но тогда, в конце шестидесятых, об этом как-то не распространялись. Баба Катя, папкина мать, была уже в преклонных годах, чтобы помнить какие-то подробности, а отец на эту тему разговаривать не любил, наверное, потому, что сам из-за этой истории чудом не «загремел» следом. Служил он в это время в Забайкальском военном округе штабным писарем по контракту, как вольнонаёмный, поскольку человеком был по той поре грамотным – закончил Тулунский техникум народного хозяйства.

...До сих пор перед глазами его почерк – мелкий, убористый, весь в завитушках. Никогда ни до, ни после этого, мне не приходилось видеть такого. Из-за этой эксклюзивности мне никак не удавалось подделать его подпись в дневнике ни в начальных классах, ни в старших. Но это уже другая история. А тогда отца просто уволили из Красной Армии по-тихому, чтобы самим не угодить за «потерю бдительности»...

Однажды, уже учась в школе, я пристал к отцу с расспросами, за что расстреляли деда. Тогда отец и рассказал мне историю о пьяных «стукачах». О том, что те оклеветали деда.

– Но следователи-то должны были разобраться, что дед не виноват!

– Когда лес рубят – щепки летят, – ответил мне отец известной поговоркой «вождя всех народов».

Обидно было осознавать деда одной из таких «щепок», хотелось доказывать отцу его неправоту. Я недоумевал, почему не написали жалобы, не требовали встречи с прокурором, ведь так не может быть, чтобы на глазах у всей деревни осудили невинного. Но отец больше на эту тему разговаривать со мной не стал.

Спустя много лет, уже на закате перестройки, мне стало ясно, каким наивным я тогда был...

Дедова фотография висела в рамке над бабкиной кроватью. Рядом висела точно такая же её. Дед в железнодорожной фуражке и форменном кителе поверх косоворотки, усатый, с нахмуренными бровями. Бабка простоволосая, в костюме, тоже очень серьезная. Рядом с фотографиями тикали ходики с маятником и двумя гирьками, а под ними стояла тумбочка с патефоном – ярко красным чемоданчиком, шершавую поверхность которого так приятно было гладить.

Когда мы приезжали с матерью в Курзан из Умыгана – села, которое было центральной усадьбой колхоза «Верный путь» и куда мы переехали после назначения отца бухгалтером, первым делом мы шли к бабе Кате – Рапацевичихе, как мы её все звали. Бабка выставляла на стол нехитрую снедь, мне наливали козьего молока, необычайно вкусного, с жареной на сале картошкой. Появлялась заправка – бутылка вина или банка с бражкой, и начиналось застолье, в процессе которого мне разрешалось открыть патефон, достать коробку с пластинками. Накрутив завод ручкой, я потихоньку ставил огромную патефонную головку с иглой на пластинку. После непродолжительного шипения патефон начинал петь о том, как «гулял по Уралу Чапаев-герой», или о том, «как родная меня мать провожала». Бабка обычно просила меня поставить песню «Лучше нету того цвету» и начинала петь сама. Говор у неё был ярко выраженный белорусский, особенно смешно было слушать, когда она пела: «Ой, попалась птичка, стой, не уйдешь из клетки», которую заканчивала, слегка переиначив, словами: «Мы дадим табэ канфет, чаю с сухарями...».

Через некоторое время бабка начинала вспоминать деда следующими словами:

– Загубил маю моладась. Тока пожанились – нада ехать в Сябiry. Я уже на сносях была, а яму у Сябiry. Усе едуть и яму нада. А посла гражданской гаварыла яму – иди у калхоз! Нэ-е, яму жалезную дарогу падавай. Яды не была, хадили пабираця у Курзан.

Павесю рэбятішкам сумкі чэраз плячо і йдуць удоль дароги да дярэвни. А у іх саміх жрать нечаво. Но вся равно давали, где адин кусок вынясет, где другой дась...

– А патом кагда яго самога забрали, – продолжала бабка, – харашо, што Мишка явже у дярэвни жил, дак к яму усе перэбралися. А так хож садися да памярай...

Мишка – это старший сын бабы Рапацевичихи, родился в 10-м году на станции Тайшет, когда дед Иван, баба Катя и дедова мать добирались переселенцами из западной Белоруссии в Сибирь, имея предписание остановиться в Тулуне.

Женившись на молодой и красивой чалдонке, Михаил вскоре уехал на заработки, но молодая в одиночестве не скучала, и однажды, приехав домой из Слюдянки, где работал на строительстве железнодорожного тоннеля, застукал женушку с хахалем и тут же выгнал её из дома. Позже он сошелся с другой женщиной – Нюрой, с которой и прожили до глубокой старости, родив троих детей...

...Главное, что в деревне был у них свой огород, небольшой, конечно, но после домика путевого обходчика, где почти все пространство занимала русская печка и умудрялись разместиться мать с отцом, старая бабка и шестеро детей, теперь уже места хватило всем, тем более что Ванька, (в будущем мой отец) служил уже в Красной Армии.

Воспоминания бабки о том, как нищенствовали, относились, однако, к более раннему времени, к периоду гражданской войны и разрухи. В те жутко трудные годы родился третий сын, Василий, который потом тоже пошел по стопам своего отца – деда Ивана, и всю свою жизнь проработал на железной дороге. Войну прошёл сапёром, был сильно контужен и в последние годы жизни очень страдал от сильных головных болей, терял речь, долго лечился по разным больницам: и в Иркутске, и даже в Москве, да всё безуспешно.

Правда, по счету он был не третий, а пятый, так как кроме пацанов было в семье ещё и две девчонки.

Отец рассказывал как-то, что в разруху получил однажды дед Иван зарплату – больше миллиона рублей. Принес домой целый мешок денег – да только что на них купишь? Невесело посмеялись с женой о том, что лучше печку топить этими деньгами или стенки обклеивать. А на завтра стали собирать детей в деревню за милостыней.

Как-то раз, в те времена, принес дед домой мешок сахара. Уже никто не помнит, каким чудом ему перепало это счастье, но мешок спрятали под кровать, и старая бабка, мать деда Ивана, не спускала с него глаз ни днем, ни ночью, чтобы дети не распотрошили его и не вытаскали всё богатство. Однако, мой отец, которому было лет пять, и его

семилетняя сестра Пашенька, заползали ночью под кровать и потихоньку сосали сахар через толстый крапивный мешок...

Жизнь начала налаживаться только ближе к войне, то есть к сороковым годам. Тогда-то и появился у отца патефон, а перед самой войной вообще богатство – велосипед.

Обо всем этом вспоминала баба Рапацевичиха, да о том, каково было жить в войну. Отправив всех четверых сыновей на фронт и получив похоронку на самого младшего Колю, она сильно страдала, но сердцем не ожесточилась. За глаза, да и в глаза, любой при случае мог припомнить ей прошлое деда и указать «на своё место» жене врага народа.

А теперь, когда уже можно было нормально жить (есть небольшая пенсия, не совсем еще вросла в землю та самая Мишкина изба, да лет десять назад пришла официальная бумага о реабилитации мужа), совсем не стало здоровья, стали появляться провалы в памяти. Дети разъехались.

Старший Михаил поселился в Усть-Илимске, Василий – в Нижнеудинске, Иван, правда, за двадцать верст в соседнем селе, так ему и захватить к матери всё некогда. Рядом только Пашенька, глухонемая дочь – инвалидка, всю жизнь работавшая как лошадь, вынянчившая многих своих племянников, в том числе и меня, а сама так и не испытавшая семейного и материнского счастья. Хорошо, что хоть невестка Дуся иногда приезжает. С ней можно и посидеть, и попеть, и поплакать...

В Курзани

После обеда, когда уставшая баба Катя ложилась прикорнуть, мы с мамкой шли на край деревни к переезду. Там, в железнодорожных казармах, жила двоюродная мамкина сестра тётя Валя. Мать её называла сеструшка. Сеструшки были очень сильно похожи между собой лицом и фигурой, да и некоторыми привычками. Обнявшись и слегка всплакнув, сеструшки шли «сбрызнуть» встречу в дом, а мне разрешалось сбегать на переезд в будку дежурного по переезду. Это было очень интересное занятие.

Во-первых, у дежурного можно было наблюдать, как во время приближения поезда что-то начинало звенеть и мигать глазками в железных ящичках, привешенных к стене. Тогда дежурный и я за ним следом, шли к шлагбауму, где дежурный крутил большие ручки механизма, опускающего и поднимающего шлагбаум. Иногда и мне доверялось

покрутить эту ручку. Затем нужно было перейти на другую сторону переезда, наискосок и повторить процедуру с другим шлагбаумом.

...Впоследствии шлагбаумы заменили на автоматические, но я помню еще те, старые, с двумя большими зубчатыми шестернями...

Во-вторых, когда подходил поезд, дежурный выставлял вперед на вытянутой руке желтый флажок, свернутый в трубочку, а машинист поезда подавал сигнал свистком локомотива и приветствовал рукой. Мне казалось, что рукой он машет именно мне, и я радостно махал ему в ответ. Когда локомотив удалялся, флажок переходил ко мне в руки, и я держал его, пока не пройдет поезд. Потом шлагбаумы поднимали снова.

Пока не было поездов, дежурный угощал меня крепким чаем с карамелькой или просто с сахаром, а сам расспрашивал у меня, как жизнь в Умыгане, сколько мамка зарабатывает, и когда папке надоест в конторе «на счетах ляпать» и он пойдет работать, как все нормальные мужики, например, комбайнером.

Мне бы и самому хотелось, чтобы отец на комбайне работал, а я мог бы иногда покататься с ним, когда идет уборочная. Тем более что я видел у него почетную грамоту с портретами Ленина и Сталина за успешное окончание школы комбайнеров. Но отец был комбайнером, когда меня ещё и «в проекте» не было. Так что я помню только, как он работал в Курзане учетчиком, ездил по полям на коне, запряженном в маленькую одноосную тележку-«таратайку», в которой всегда лежала деревянная складная сажень, похожая на огромный циркуль. Еще у него была полевая кожаная сумка, в которую умещались какие-то бумаги и взятый из дому обед, составлявший, обычно, краюху хлеба, кусок сала, да головку лука, а также бутылку молока, заткнутую вместо пробки туго свернутым куском газеты. Больше всего мне нравились остро заточенные карандаши, торчавшие из специальных гнезд в этой сумке. Я страшно завидовал своему брату Валерке, который ходил в школу, и у него была почти такая же сумка, только кирзовая...

Переезд в Курзане был вымощен с обеих сторон большими булыжниками. Говорили, что мостили тракт ещё каторжники при царе. Я ни разу не видел, чтобы хоть один камень откололся или вывалился из дороги. Делали каторжники свою работу на совесть...

Потом, забежав к тете Вале, я просился у мамки назад к бабе. И, оседлав подходящую палку, галопом нёсся вдоль дороги вниз по деревне. А, бывало, тетя Валя, сунув конфет, давала старый обод от велосипедного колеса, который здорово было катить впереди себя прутом. Правда, колесо было обещано под «честное» слово вернуть.

По пути нужно было пересечь проулок, но я был уже большой и этого не боялся. Дело в том, что в проулке жил старый-престарый дед, которого звали «дед Змей». У него была большущая седая борода, в руках всегда находилась большая суковатая палка, и он все время сидел возле дома на скамеечке. Дед Змей был колдуном!..

Это я сейчас знаю, что взрослые придумывали разные страшилки, чтобы мы не убегали далеко от дома, а тогда дети боялись, что он увидит кого-нибудь одного, сразу заколдует или превратит в лягуху. Слухи эти никем не опровергались, наоборот, при маленьких детях рассказывались всякие небылицы...

Дальше – бывший наш дом, почта, и вот огороженный штaketником памятник не вернувшимся с войны жителям деревни. Я уже сам мог прочитать фамилию папкиного брата – дяди Коли, погибшего перед самым днем Победы. А всего фамилий было примерно двадцать. Постояв немного, погордившись дядькой, убитым «погаными фашистами», я вприпрыжку бежал дальше.

Сколько себя помню, по деревне ребяташки перемещались только бегом. Те, кто в школе учились, ходили нормальным шагом, но если никто не видел, переходили на рысь...

Попадались по пути пацаны, но в разговоры с ними я не вступал – что с них, курзанских взять. Я-то в самом Умыгане живу, можно сказать в центральной деревне, которая именуется селом. У нас и школа – восьмилетка, и клуб, не сравнить с курзанским, библиотека, да и улиц целых четыре, центральная – все три километра. А ещё огромный машинный двор, пилорама, птичники, телятники, свинарники, коровники, молоканка!!! Речки, правда, нет, но зато есть огромный пруд, который спускали недавно, когда на день молодежи утонул парень.

Парень этот был товарищем моего старшего брата Шурки, и бывал у нас дома. Как раз утром, в тот день, он в шутку укусил меня за палец, больно, так что я не удержался и из глаз покатались слезы. Ох, и сильно же я на него разобиделся. Пообещал из-за печки, показывая кулак, что он еще получит... А на следующее утро по селу разнесся слух, что парень этот утонул. Честно говоря, я струхнул. Мне показалось, что это случилось как раз из-за того, что я ему грозил.

Парня этого нашли только на третий день, когда обмелевший пруд прочесывали от берега к берегу человек двадцать парней и мужиков. Ну, а мы, шпана, когда трактористы спускали пруд, раскопали в одном месте дамбу и вдоволь наловили карасей и гальянов

старыми тюлевыми шторками, вычерпывая их прямо у разрытой плотины, куда устремилась вода из пруда...

Так что на бывших земляков я посматривал свысока. Хотя был в Умыгане один большой недостаток – не было железной дороги...

Про брата Шурку, Назаркина Кольку и черемуху без косточек

Старшим среди братьев был Шурка. Потом Валерка, а уж я родился последним. Мать рассказывала, что когда меня привезли из тулунского роддома, Шурка с Валеркой твердо заявили, что, если в пелёнках девчонка, то пусть её увозят обратно. И только, когда пелёнки развернули, убедившись, что перед ними пацан, они снисходительно разрешили: «Ладно, пусть остается»...

Первые моменты своего детства я помню с трех лет. Шурке тогда было уже пятнадцать, Валерке – восемь, ну а старшие сестры вообще были для меня взрослыми тетками.

Шурка был сухощавый, невысокий и шустрый.

Я его очень любил, потому что с ним всегда было весело. Он на ходу сочинял разные небылицы, сказки, и когда рассказывал их нам с Валеркой, то смеялись и взрослые, а я заходился смехом так, что мать начинала покрикивать на Шурку, чтоб он маленько унялся: «...а то Володьку не откачаете, вишь как закатился...»

В Шуркиных сказках были перемешаны времена года, настоящие и вымышленные события, происходившие в деревне и округе. Главными героями всех историй вместе со сказочными персонажами, были и реальные жители деревни, среди которых выделялись Колька Назаркин, его жена Любка, и живущий неподалеку от нас мужик по прозвищу Помидорка.

Так их звали, конечно, за глаза, но все – и взрослые, и дети. У Николая фамилия была Скулин, а Назаркиным прозвали еще в детстве. Отца все звали Назаркой, а потом и всех его детей – Назаркиными. Любка приходилась моей мамке троюродной сестрой, или, как она её называла, – сеструшкой.

После войны, закончив училище, Колька работал кочегаром на паровозе. Рассказывали, что однажды поздней осенью, когда его состав притормозил в Курзане, Колька по-быстрому спрыгнул с подножки, обнял молодую жену, дежурившую на переезде, схватил приготовленную Любой сумку с харчами и снова побежал к уже тронувшемуся паровозу. На ходу вспрыгнул на подножку, но руки соскользнули по покрытым инеем поручням, и ноги попали прямо под колеса... С тех пор Колька остался с культями до колен. Помимо пенсии подрабатывал тем, что подшивал обувь, шил тапочки и зимние шапки. По дому он ловко перемещался, опираясь на руки, а когда надо было во двор или на улицу, то брал в руки обитые комбайновым ремнем деревяшки. А для поездок по деревне у него был самоходный трехколесный агрегат.*

В народе это чудо получило меткое и звонкое имя – «пердючая жила». Когда Колька собирался в гости на другой конец деревни или просто проехаться до переезда, он пристегивал протезы, садился в коляску и, перемещая поочередно рычаги руками, двигался вперед. Частенько вокруг него бежали ребятишки, не упускавшие такого зрелища. «Смотрите, смотрите, Колька Назаркин на «пердючей жиле» едет!», – летело впереди процессии. Колька не обращал на это никакого внимания, лишь иногда издавая звуки похожие на частое чихание. Мамка говорила, что когда ему отрезало паровозом ноги, то повредились какие-то нервы, поэтому он и чихал, когда волновался. Или когда лишнего с мужиками выпивал...

С Помидоркой все было проще. Это был невысокий полный мужичок, с постоянно красным, как будто от натуги, лицом. Говорили, что у него повышенное давление, однако это не мешало ему частенько быть крепко навеселе. Никто не помнил, кто его так назвал, но прозвище прилипло насмерть...

Назаркины жили недалеко от моста через речку Курзанку. Этот конец деревни все называли Барабушкой. Сразу за мостом Московский тракт вздымался на крутую гору, слева от тракта находилось деревенское кладбище и огибающая его объездная дорога для тех, кто не мог въехать в гору напрямую...

Одна из Шуркиных историй начиналась примерно так:

– Как-то летом, в страшную жару, поехал Колька Назаркин на своей «пердючей жиле» за ягодами и грибами в лес через Курзанскую гору. Уже почти поднялся на самый верх, но тут вдруг чихнул-пернул, тормоза отказали, и «пердючая жила» полетела вниз с

* Точно такой был в фильме «Приключения итальянцев в России» у героя актера Евгения Евстигнеева

горы. Колька целился-целился и промазал мимо моста, полетел в речку, упал головой прямо в прорубь, а Любка в это время шла за водой к проруби.

Увидела она, что Колька её в проруби торчит вверх ногами, принялась его вытаскивать. Тащила-тащила, позвала дочку Надьку, дальше история, похожая на сказку про репку, только тащили Кольку намного интереснее. В итоге сбегали за топором, чтобы вырубить Кольку из проруби. Пока рубили, случайно отрубили ему яйца... А вечером Помидорка пошел на речку с бутылкой, присел под кустом на травку, выпил, а закусил случайно не куриными яйцами, а Колькиными... Ну и так далее...

Мы с Валеркой просили, чтобы и про нас в сказках было что-нибудь. Но для этого Шурку надо было чем-нибудь задобрить. Если что-либо покупалось в магазине для нас из сладостей, то делилось поровну. А сказочнику и от нашей доли перепало.

Еще Шурку украшали шрамы. Один от аппендицита, а другой – на правом боку, под ребрами. С аппендицитом всё было понятно – ну повезло парню, как и некоторым другим везёт. А вот второй шрам был самый, что ни на есть боевой...

Было это, когда Шурка учился в пятом классе. Весной после уроков пацаны и некоторые девчонки тоже играли в войнушку, поделившись на два отряда. Один возглавлял Шурка, другой – его постоянный соперник Сёмка, который был старше его на год. У всех было оружие – самодельные деревянные автоматы и ружья. У Шурки был «магазинский» железный револьвер, редкая по тем временам штука, а у Сёмки к деревянному ружью был примотан проволокой настоящий штык. Штык времен гражданской войны был найден Сёмкиным братом и подарен ему, когда пришла пора уходить в армию.

Отряды разошлись по разные стороны от школы и по условленному свисту понеслись навстречу друг другу – командиры впереди.

Из-за угла вылетели одновременно, столкнулись, и ржавый Сёмкин штык легко вошел Шурке в бок.

Мать находилась возле нашего дома, буквально метрах в пятидесяти от школы.

И сама увидела бегущих в разные стороны ребяташек, кричащих: «Шурку убили!!!»

Она рассказывала:

– Бегу, а ноги ватные. Думаю, может, понарошку кричат. Подбегаю, а он белый весь лежит, за бок держится, а руки все в крови. Хватаю его на руки, выбегаю на дорогу, а тут «Скорая» идет из Будагово в Тулун. Молю Бога, чтоб только кишки целые были. А до Тулуна двадцать километров. Дорога – колдобина на колдобине. Привезли в Тулун и

сразу на операционный стол. Хорошо с почты дозвонились до больницы, передали, что раненого везут.

Операция прошла успешно. Повезло, что штык прошел наискосок, почти насквозь, только слегка процарапав печенку и больше ничего жизненно важного не задев.

Наутро врач, делая обход по палатам, подошел к Шурке:

– Ну, что, герой? За кого воевал, за белых или за красных?

– За немцев, – вздохнул Шурка.

– Вот! Больше за немцев никогда не воюй! Будь только за русских!

На этом геройская история моего брата закончилась, и через две недели он был уже дома...

Пришло время, когда Шурка поступил учиться в Черемховское ФЗУ. Я помню, как собирали его в дорогу, укладывали в вещмешок продукты и новый костюм, а я тянул его за гачу и плакал, не хотел, чтобы он уезжал. «Не плачь, Володька! Я на каникулы приеду, привезу тебе черёмуху без косточек, крупную как виноград. Такая черёмуха только в Черемхово и растет! Потому так город и называется».

...Потом приходили письма, в которых каждому персонально передавался привет, а для меня обязательно была нарисована картинка, например, как Шурка проходит практику учеником токаря на карусельном станке. Слово «карусельный» мне очень нравилось, и я никак не мог дождаться, когда же Шурка приедет на каникулы и все сам расскажет. В ответ родители писали письма, в которых обязательно на последнем листочке мне обводили карандашом правую ладошку. Шурка обязательно её пожмет, когда получит письмо.

И, наконец-то! Шурка приехал!!! Все толпятся вокруг него: и мать, и отец, и я пытаюсь пролезть к нему между Валеркой и сестрой Надькой. И вот Шурка подхватывает меня на руки.

– Черёмуха!!! Где черёмуха? – пытаюсь я перекричать всех.

– Какая черёмуха? Что ты мелешь? – смеются взрослые.

– Без косточек! Как виноград!!! – на моих глазах наворачиваются слёзы.

– Ты же обещал! – поворачиваюсь я к Шурке.

– Знаешь, я ведь тебе вёз эту черёмуху. Вправду вёз. Целых полведра. Но когда проезжали через станцию Зима, вся черёмуха помёрзла и пришлось её выбросить... Да ладно, ты не переживай, вечером я тебе сказку расскажу.

– Про меня? Длинную? – я уже вытираю рукой слезы.

– Да, про тебя, и про Валерку, и про бабу Ягу, как она за Колькой Назаркиным гонялась.

Мне ещё немного жаль пропавшую черёмуху, но, главное, Шурка – вот он! И целых несколько дней будет дома. Эх, скорей бы вечер!

– Чур, я буду с Шуркой рядом спать! – ставлю я последнее условие и, всхлипнув последний раз, слушаю, что рассказывает о житье в далеком Черембассе мой старший брат.

Пожар

В начале девяностых я стал часто бывать проездом в своей родной деревне. Как-то попытался найти могилку бабы Кати, обошел вдоль и поперек все кладбище, расположенное на Курзанской горе, да так и не нашел. Не осталось и людей, которые могли бы показать мне это место. Одни уже умерли сами, другие поразъехались, третьи просто спились.

Спустившись с горы к речке вместе с шофером, которого я сопровождал, решили перекусить. В памяти всплыли воспоминания бабкиных похорон. Точнее не самих похорон, а приезд в Курзан с матерью на девять дней...

Было это в конце мая. Отец с нами тогда уже не жил, наверное, около года, поэтому мы приехали вдвоем с мамкой.

В тот день стояла по-летнему жаркая погода. Помянув бабку на кладбище, мать со своей золовкой Пашей накрыли небольшой поминальный стол в доме и позвали соседей. Мою тетку по отцовской линии, глухонемую, очень добрую женщину, все звали по-простому – Пашенькой.

Посидели, помянули, соседи начали расходиться по домам. До автобуса оставалась ещё пара часов, когда мы услышали сильный хлопок, а потом крики на улице. Когда выбежали, то ошалели от увиденного.

С западной стороны в полнеба полыхало пламя, надвигающееся на нас.

Мы с матерью кинулись в дом и начали выносить постели и первую попавшуюся одежду на огород, ближе к речке. Пашенька тащила туда же мекающую и упирающуюся

козу, привязанную верёвкой за рога. По соседским огородам тоже сновали люди, вытаскивая из своих домов самые необходимые пожитки.

Пожар начался с дома, в котором мы жили до того, как переехали на центральную усадьбу колхоза – Умыган.

Большой пятистенок полыхал вместе с двумя большими тополями, росшими возле него. Оттуда пламя в считанные минуты перебросилось на соседнее здание почты. Корёжилась покрытая толстым железом крыша почты, из-под неё вырывались длинные языки огня.

Из соседнего с почтой дома Назаркиных тащили что-то через дорогу, но удалось спасти самую малость – крыша уже начала гореть, и от жара к дому нельзя было подступить.

Прилетели три пожарных машины из Тулуна. Полили из шлангов на горящие дома и сразу же улетели на речку заправляться водой. Пламя не уменьшалось. Ещё одна «пожарка» подоспела из Будагово.

По дороге мимо горящих домов невозможно было проехать. Из останавливающихся машин выбегали люди: кто пытался как-то помочь, кто просто поглазеть.

Я тоже терся поблизости вместе с другими ребятами, сбежав от матери, как только завидел спускающиеся с Курзанской горы пожарные машины...

Темно-оранжевое пламя громадными, закручивающимися в спираль языками, вырывалось вверх и двигалось по ветру на восток. Стоял гул и непрерывный треск. Деревня как бы сжалась перед надвигающейся на неё стеной огня. Через дорогу, наискосок, летели горящие головёшки и снопы искр. Несколько мужиков, облив себя водой из вёдер, лазили по крышам. Они скидывали головёшки вниз, где их заливали водой. Вёдра передавали от колодцев, вставшие цепочкой люди.

Вскоре наладилась работа и у пожарных. Они, попарно двумя машинами, приноровились тушить огонь. Одна отбивала пламя, не давая ему продвигаться дальше, другая поливала крыши и стены соседних домов. Потом им на смену с речки подъезжали другие две машины, и борьба с огнём продолжалась. Эта тактика стала приносить результаты.

Огонь превращался из бушующей, неуправляемой стихии в грозное, но уже контролируемое зрелище. Дым из зловеще-черного становился желто-белым и столбом поднимался вверх. Ветер как будто затих.

Мужики, лазившие по крышам, теперь стояли кучкой возле домов, которые удалось отстоять, курили и громко обсуждали происходящее. Глазеющим на пожар уже было известно из-за чего и как все произошло...

...Двое пацанят решили развести костерок. Раздобыли спички, и, пока родители были на работе, оформили это дело прямо в ограде. Когда полыхнуло, испугавшись, убежали. Соседи пожар заметили, когда рванула почти полная бочка с бензином, стоявшая прямо в ограде. Успели только позвонить с почты в Тулун – вызвать пожарных. Вытащить оттуда почти ничего не успели.

Заживо сгорели привязанные во дворах собаки и свиньи в стайке у заведующей почтой. Остальной скот с утра выгнали пастись в поле. Еще уцелел мотоцикл, на котором хозяин дома загоревшегося первым, уехал утром на работу.

От дома, в котором прошли первые пять лет моей жизни, осталась только баня, стоявшая посреди огорода.

Вскоре пламя сбили настолько, что машины потихоньку начали проезжать по дороге. Пора было ехать и нам.

Забежали к Пашеньке, знаками объяснили, что уезжаем, и бегом бросились к автобусу, стоявшему возле остановки и сигналившему разбежавшимся пассажирам. В автобусе народ подводил итоги пожара.

Полностью сгорели три дома, включая почту, которая была разделена надвое – в одной половине жила семья начальницы, в другой размещалась сама почта. У четвертого дома сгорела крыша и обуглилась стена.

Бабкин дом был по счету шестым...

Спустя два года, на месте сгоревшей почты построили большой брусовой клуб, который стоит там и поныне.

Мой друг Валька

1

В Умыган наша семья перебралась, когда мне было пять лет. Конечно, сразу же пришлось обзаводиться новыми друзьями. И первым другом стал для меня Валька Никаноров. Никанором звали его отца, и поэтому всех в семье называли Никаноровы, и

только гораздо позже я узнал, что фамилия у Вальки была Бернадский. Было Вальке в ту пору лет около сорока, но, знакомясь со мной за руку, он сказал, чтобы я звал его не «дядя Валя» а Валька, так как теперь я его друг, а у друзей отношения должны быть простые. Впрочем, все на селе, от мала до велика, так его и звали.

Жил Валька с родителями – дедом Никанором и бабой Варкой, которая приходилась теткой моей матери.

Дом Никаноровых был просто потрясающим. Большой пятистенок с колодцем-журавлем перед домом. В палисаднике было полно цветов, в ограде стояли кони, в сарае находился здоровенный ткацкий станок, на котором баба Варка ткала половики из цветных тряпочек. В доме громко тикали большие часы с маятником, бившие через каждые полчаса, а кровати были застланы большими яркими лоскутными покрывалами, на которых вздымались пирамиды из подушек.

В то время мой друг работал конюхом на конном дворе, который находился прямо через дорогу от их дома. И я, конечно же, стал приходить туда к нему – «помогать».

В один прекрасный день я, как обычно, пришел к нему на работу, заскочив сначала к бабе Варке, которая угостила меня пирожками, такими горячими, что пришлось их держать в бумажке, дуть и откусывать маленькими кусочками. Кое-как справившись с двумя, я побежал к другу, который чистил коня. Я, конечно, робел, а ну как лягнет или укусит, но Валька дал мне кусок хлеба, и я, отворачиваясь, потихоньку протянул коню руку и тут же почувствовал мягкие теплые губы, которые осторожно этот хлеб забрали с моей ладошки. Конь благодарно всхрапнул, и я стал чесать его щеткой вместе с моим другом.

Время приближалось к обеду, и я засобиравшись домой. Тут мой друг говорит:

– Ну, раз ты мне помогал, принимай гостинец. И повел меня за сарай. За сараем лежала голова дохлой лошади с примотанной к ней проволокой. В глазницах копошились мухи, и запах от неё был не очень. Я хотел отказаться, но Валька говорит:

– Ты что! Я специально для тебя приберег! Давай тащи домой, пусть матка с неё холодец варит.

Делать нечего. Перекинув проволоку через плечо и упираясь, что есть силы, я потащил голову через распахнутые ворота конного двора. Пока дотащил до дороги – упарился. Тут распахнулось окошко, и баба Варка, выглянув, крикнула мне:

– Ты куда это голову тащишь?

– Мамке на холодец. Мне друг её дал.

– Ах, ты, едрит твою!..

И баба Варка загнула такой виртуозный мат, который относился уже не ко мне. Я оглянулся и увидел своего друга, который, схватившись за живот, согнулся пополам и то ли смеялся, то ли рыдал...

2

Во время войны Валька был подростком. Однажды он с соседскими ребятами и с сестрой Любой возвращался в деревню. Забрели потихоньку на край поля и давай рвать руками колосья пшеницы и запихивать под рубаху. Есть хотелось постоянно, а дома хлебом давно не пахло, вот решили тайком нарвать, чтобы потом обшелушить и, растерев в ступке, сварить похлебку.

Но в этот раз им не повезло. Тут как тут объездчик. Выстрелил два раза по ребятам, без всяких там окриков и предупредительных. Соседский пацан умер, пока дотасили до дому, а Вальке заряд крупной дроби пришелся по ноге. Долго лечили рану, но Валька так и остался инвалидом.

Объездчика судили и дали три года лагерей. Потом говорили, что забрали в штрафбат, там его вскоре и убили. Ребятишки избежали наказания за хищение колосков с колхозного поля, так как им не было 14 лет.

Такая вот простая и жуткая история.

...Валька одно время работал механизатором, но как-то раз, по пьянке, спал в гараже на лавке, возле железной печки и не почувствовал, как загорелись на нем ватные штаны, как раз на покалеченной ноге. После этого работать на тракторе уже не мог, работал конюхом, но пить меньше не стал.

Жениться как-то не получилось, так и жил с родителями бобылем. Когда не пил, все в руках его чудесным образом превращалось в различные вещи для дома и хозяйства. Деревянные сани, топоры, бочонки, снеговые лопаты и много еще чего. На большей части деревенских колодцев висели металлические ведра, склепанные Валькиными руками.

Мне он сделал санки – салазки из алюминиевого уголка, точь-в-точь, как магазинные. Только вот не успел покрасить деревянные брусочки в яркие цвета – ушел в запой. Так и катался я на салазках с некрашеными планками.

История эта приключилась примерно через год после случая с лошадиной головой.

Баба Варка была не только искусницей в ткацких делах, но и варила лучший на селе сыр, делала домашнюю колбасу и еще много всяких вкусностей, которых сейчас уже и не попробовать, например полевку и ледник.* А еще она готовила непревзойденную самогонку, как для своих нужд, так и для односельчан, которые специально просили ее сделать доброе дело к какому-нибудь знаменательному событию: юбилею, свадьбе или поминкам. Приносили сахар, дрожжи или другие составляющие, (смотря на чем заводилась брага) и договаривались, к какому дню всё должно быть готово. За работу часть товара оставляли изготовителю.

Главной опасностью при этом был не столько участковый или еще какой ответственный товарищ, сколько собственный сын Валька, норовивший и бражки нацедить, а потом и самогонки отлить. Куда только ни прятали готовый напиток – Валька всюду находил, поскольку нюх у него на это дело был как у хорошей охотничьей собаки.

В тот раз баба Варка выгнала самогонку для личных нужд. Не шибко много – неполную алюминиевую флягу. До события, где продукт в торжественной обстановке должны были потребить, оставалось дня два. Вальке баба Варка сказала, что отдала самогон на хранение в надежные руки, а сама решила съездить в райцентр за «магазинским» провиантом. Утром на автобусе уехала в Тулун. А Валька, покрутившись для вида на конном дворе, решил устроить генеральный обыск. В то, что мать отдала самогонку кому-то на хранение, он сильно сомневался. Дед Никанор был на работе, и Валька приступил к делу.

Сначала обыскал амбар. За мешками с комбикормом и зерном, в ларях, в подполе и на чердаке – нету. В сарае, где стоял ткацкий станок, перевернул все половики, кучи тряпья, вокруг сарая – нету. В стайке, в загоне для коней искал. Щупом истыкал насквозь весь зарод сена, потом и кучу навоза за стайкой. Прошмонал весь огород в сорок соток. На всякий случай в бане проверил бочку с водой. И еще две копны сена на задах. Покурил. Разулся и давай обыскивать дом. Время стремительно бежало, а продукт все не находился. Началась легкая паника. Пошарился в палисаднике. Поискал за поленницами дров. Ну, ведь не бутылку же искал! Флягу! Куда её можно спрятать? В будке собачьей нет. И под нею тоже. Облазил всю крапиву на задах дома, где раньше шкурили бревна.

* блюда национальной белорусской кухни

Солнце жарит. Во рту пересохло. Зачерпнул воды из ведра – теплая. Решил достать холодненькой из колодца. Откинул крышку и, перебирая руками шест, погнал ведро вниз. Хлопок ведра об воду, рывок, а теперь ведро почти само поплыло назад. Перед самым верхом в колодце сруб оброс льдом. Зимой его скалывали пешней, а летом вверху ровно подрубили, получался небольшой ледник. Молоко ставили, масло – если много сбивали. Поэтому когда ведро поднималось к самому верху, ход замедляли и доставали потихоньку, чтобы не цеплялось ведро об лед.

Показалось ведро. Взялся Валька за дужку, потянул на себя. Вдруг в груди что-то ёкнуло. А может?.. Нагнулся, глянул внутрь. Стоит! Запотевшая, для страховки привязанная веревкой за вбитую в сруб скобу!!! Ну, мамка. Это ж надо придумать! Чуть ли ни на глазах спрятала. Главное, что вчера воду в баню носил и в дом и не видел!..

С автобуса баба Варка шла быстро, хотя и несла, перекинув через плечо, две связанные меж собой сумки. Издали увидела напротив дома, прямо на дороге, какое-то оживление. Неприятно шевельнулось в груди предчувствие. Подошла поближе и увидела «картину маслом». На дороге открытая фляга, на ней висит ковшик, вокруг несколько деревенских мужиков, пьяных в мат. В пыли, прижавшись к фляге и подложив руки под голову, лежит Валька. Возле дома на скамейке расположились мужики и дед Никанор, приехавший с работы и успевший догнать других. Все курят и пытаются что-то петь. Во фляге осталась от силы треть...

Историю эту я не раз слышал от самих очевидцев, и, хотя в дальнейшем она превратилась в легенду о щедром Вальке Никанорове, все здесь описанное – истинная правда.

2009 - 2013